

На стражѣ свободы

Мы должны научиться понимать пророчества, которыя раскрываются Богом в человѣческой исторіи, мы должны видѣть видѣнія, проносящіяся над ежедневными событіями нашей жизни, мы должны понимать знаки, данные нам, — мы должны дѣлать выводы и воплощать в жизни то, чего требует от своего христіанскаго человѣчества Бог.

Мы поставлены на страшном перекресткѣ человѣческаго историческаго пути. Разныя дороги привели к нему отдѣльныя исповѣданія, государства и народы. И разныя дороги могут увести от него. Вопрос в том, какая дорога совпадает с Божьим замыслом о его человѣчествѣ, вопрос в том, как нам не сдѣлать ошибки в выборѣ.

Чтобы видѣть вперед, необходимо пристально вглядываться в прошлое. Это прошлое, XIX вѣк, — потерянный рай буржуазнаго благополучія, маловѣрія, духовной ограниченности, самодовольства, страшной отравой отравил человѣчество, привел его к смертельной болезни сегодняшняго дня. XIX вѣк, — вѣк осуществленнаго раскола. Христіанство, Церковь, — с одной стороны, и безбожное человѣческое общество, — с другой. Трудно сказать, кто больше пострадал от этого раскола. Безбожное человѣчество, предоставленное само себѣ, почувствовавшее вдруг, что над ним растилается не бездонное звѣздное небо, а низкій потолок природной необходимости, отрѣзавшее себя от подлинных истоков духовнаго бытія, от подлинных корней настоящей свободы, отказавшееся от своего богоизбранничества и богоподобія,

— отдало всё свои творческія силы на созданіе страшных, языческих религіозных систем, на мечту о человѣкобожеском раѣ. Мы видим теперъ эти мечты воплощенными. Мы знаем, каким человѣконенавистничеством проникнут этот рай во всѣх своих воплощеніях, мы знаем, как бред Шигалева опредѣляет сейчас міровую исторію. Горы равняются, человѣческое стадо пасется желѣзным бичом, само понятіе свободы искореняется, вкус к ней, представленіе о ней исчезает. Не все ли равно нам, в чьих руках находится этот бич, и во имя чего человѣчество обездушено? Подчинена ли Богоподобная человѣческая личность закону класса, должна ли упавозить собою будущій пролетарскій рай, или растворена она в потокѣ священной германской крови, принесена ли она в жертву воскрешенному кумиру римской государственности, — важно во всѣх этих явленіях отрицаніе ея самоцѣльности, отрицаніе человѣческой свободы, отрицаніе возможнаго богоизбранія всякаго человѣка. Безбожный мір не только раскрыл нам свои доктрины, он показал, что дает воплощеніе этих доктрин, он породил ненависть, гоненія, кровь, насиліе, он убил человѣка, искалѣчил его душу, плѣнил свободу. Тот, кто идет теперъ за его призывами, не может обманываться: он должен знать, что он идет лишать свободы, уничтожать личность, убивать душу, возставать на дѣло Христова.

Раскол окружил Церковь непроницаемой стѣной. Надо занѣе оговориться: чтобы не совершалось в исторіи, какія бы событія не переживала Церковь, — в нѣдрах ея всегда была и всегда будет расцвѣтать и личная святость, и высокое напряженіе подвига. Но это в нѣдрах. А кромѣ того есть еще отличительные признаки каждой исторической церковной эпохи, в которых отражается не только святость, но иногда и паденіе, мертвенность, предательство дѣла Христова. Последніе вѣка Церковь переживала может быть один из самых темных періодов своего историческаго существованія. Католичество, отдѣленное от міра непроницаемыми стѣнами Ватикана, было в плѣну не только физически, но и духовно. Дух земли, о котором говорит Достоевскій,

в первую очередь плѣнил Христову Церковь, подмѣнил Христову истину своею ложью. Мертвенность, формальность, авторитарность вмѣсто любви, закон вмѣсто свободы, — вот основные камни той невидимой стѣны, которая окружила в XIX вѣкѣ католическую Церковь. *

Тот же Достоевскій, так характеризовавшій католицизм, сказал, что православная Церковь находится в параличѣ. Думается, что сейчас нѣтъ смысла раскрывать это понятіе и доказывать его точность. Оно бесспорно. Этот внутренній паралич, внутренняя скованность, ничѣм не менѣе сильна, чѣм внѣшняя запертость католичества в Ватиканской крѣпости. Наш паралич, — это наше духовное Ватиканское плѣненіе, которое могло внѣшне имѣть совершенно обратный облик: Церковь была не только признана, — она как бы играла руководящую роль, она как бы вела. Вела в тѣснинах своего парализованнаго состоянія.

Страшный вѣк, — XIX, — в котором на западѣ христіанство в плѣну, а на востокѣ оно в параличѣ. По разным причинам, ни на западѣ, ни на востокѣ христіанство не свободно. Внѣшняя несвобода переходит во внутреннюю. Кто знает, что страшнѣе, — государство, ласкающее Церковь, или ведущее с ней борьбу. Так или иначе в XIX вѣкѣ, человѣчество воевало, вело экономическую борьбу, устраивало или готовило революціи, создавало новыя философскія системы, воздвигало фундаменты для новых языческих религій, готовилось к уничтоженію человѣческой личности во имя торжества коллектива, исходя из безграничной свободы приводило к безграничному рабству, по словам Достоевскаго. А Церковь молчала. Была в плѣну или в параличѣ. Может быть иначе, по своему переживало эту страшную болезнь раскола.

Плѣнной, парализованной встрѣтила Церковь годы катастрофы.

Говоря о судьбѣ нашей русской Церкви в этот страшный період, необходимо лишь учесть еще один фактор, который напитал собою весь наш XIX вѣк, образовал в нем как бы особую исто-

рію в общей історіі, и опредѣлил не только положеніе Церкви в самой катастрофѣ, но и нѣкоторыя дальнѣйшія перспективы ея историческаго пути. Да, Церковь была парализована, да, ею вѣдал свѣтскій, бюрократическій обер-прокурорскій надзор, духовная школа поставляла русскому обществу не только бытовых батюшек, но и вождей безбожной, матеріалистической культуры. Интеллигенція жила своими вѣрованіями, народ пребывал в прошлых вѣках исторіи, правящій слой был обездушен, формален, лишен творческаго напряженія. В духовном смыслѣ Россія переживала какой-то страшный ледниковый період, никакая кровь не могла растопить этого полярнаго льда. Можно сказать, что в Россіи сочеталось не свѣт и тьма, а блеск и тьма. Вѣк был во истину блестящ и мрачен. И вот в атмосферѣ этого блеска и мрака, в атмосферѣ этой ледяной скованности, мертвеннаго величія, царственнаго мороза, — зрѣло и пылало пророческое слово. Через весь XIX вѣк пронеслось оно, невѣдомо в какой тайнѣ родившееся, невѣдомо какими силами призванное к жизни. Русская религіозная философія смѣло может быть сравниваема с двумя самыми сильными и творческими явленіями человѣческаго религіознаго духа, — с пророческим даром Израиля и с творческим напряженіем первых христіанских вѣков Византіи. Вѣдь сила ветхозавѣтнаго пророчества совершенно не зависѣла от подъема религіозных сил всего Израиля. Даже наоборот, — чѣм ниже падал народ, тѣм ближе приближал Бог свои уста к пророческому слуху. За корою вещества, за этой косной, ледяной корой, за пышным императорским ритуалом оффиціальной Церкви наши пророки провидѣли незримое и говорили нам о великом соборном началѣ православія, о свободѣ христіанства, об избраніи и богоподобіи человѣка, о цѣнности человѣческой личности, о нашей призванности жить и работать в едином тѣлѣ Христова Богочеловѣчества. Сначала они говорили в безвоздушном пространствѣ. Оффиціальная Россія не нуждалась в их пророческом словѣ. Ея представленіе о правдѣ Православія совершенно не совпадало с их представленіем. К народу их слово не доходило.

А широкія слои интеллигенціи думали, что из Назарета не может быть ничего добраго, и жили в совершенно ином кругу идей, выращенных западной обездушенной культурой. И только к концу вѣка, или вѣрнѣе к началу XX наша пророческая школа начала слышиться повсюду, ея голос все больше и больше привлекал вниманіе, ея люди начали проникать и в церковный клир, и в духовную профессуру с одной стороны, и в интеллигентскіе кружки и кланы. Над Россіей несся набат: он говорил, что пожар міровой катастрофы разгорается, что надо спасать богоподобную человѣческую личность, что надо отстаивать подлинную христіанскую свободу, открытую нам в священном началѣ соборности и любви. Русскій народ, все русское культурное цѣлое, ринулся на гибель, получив это предупрежденіе, упал в смертельной болезни, предварительно услышав единственный рецепт, который его может исцѣлить.

И потом все смѣшалось: началась вьюга, ночь. Русскій народ стал бредить, болезнь оказалась смертельной.

Чаемое богочеловѣческое единство обернулось страшным ликом звѣря-человѣкобога. Свобода стала жертвой насилія. Христіанство вошло в полосу мученичества. Гоненія и преслѣдованія откололи слабых и создали новых мучеников и исповѣдников. Безбожное воспитаніе выростило цѣлыя поколѣнія, для которых не только пророческія слова русскаго религіознаго возрожденія не извѣстны, но само имя Христова невѣдомо.

Трудно отсюда судить о том, что прѣисходит в Россіи. Мы можем лишь не сомнѣваться в том, что переживает она событія, превосходящія все, что знала ея предыдущая исторія. Но куда они поведут русское религіозное сознаніе, мы отсюда видѣть не можем. вмѣстѣ с тѣм у нас есть и своя судьба, — судьба тѣх, кто оказался выброшенным из Россіи, кто оказался под чужим небом и на чужой землѣ. Конечно, можно видѣть в этой нашей судьбѣ нѣкоторую случайность, которая никак не отразится на дальнѣйшем пути всего русскаго народа. Мы, так сказать, избѣгли гибели там, в огнѣ пожара, чтобы десятки лѣтъ медленно

вымирать здѣсь. Но с религиозной точки зрѣнія не может быть ничего случайнаго, — и наша судьба так же подлежит настоящему религиозному осмысливанію. Мнѣ кажется, что безчисленные факты совершенно объективно свидѣтельствуют, что ключ к ея уразумѣнію лежит не в какой бы то ни было политической роли, которую эмиграція призвана сыграть в какую-то минуту русской ближайшей исторіи, — для этого мы не только слишком разны, инакомыслящи и враждебны друг другу: политика, — вещь матерьяльная, — и матерьяльных приводных ремней у нас к ней нѣту. В этом смыслѣ мы раз на всегда выбыли из строя.

Судьба эмиграціи в ином. Оторванная от родины, и в этом смыслѣ лишенная возможности раздѣлить отвѣтственность за ея участь, эмиграція получила страшный дар свободы, который может оказаться ей и не по плечу. Эта свобода, который может выѣшней отвѣтственности, обязывает нас к особенно напряженной отвѣтственности внутренней, — иначе она соскальзывает в произвол и начинает сама себя отрицать. Выѣтѣ с тѣм наша свобода не пуста, не лишена содержанія, — мы видим, что самым ея глубинным смыслом является наша религиозная жизнь: это единственное, что, — плохо или хорошо, — нами осуществляется и нас опредѣляет. Пусть наши церковные расколы не только плохи, а даже позорны, — у нас есть наше стремленіе раскрыть истину нашей православноѣ вѣры всему міру. Пусть многіе наши близорукіе политики швыряются цѣнностями нашей вѣры в угоду своим политическим расчетам, профанируют и искажают ее, — у нас есть наши религиозные мыслители, голос которых стал звучать во всем мірѣ (может быть только всего меньше в нашем православном эмигрантском мірѣ). Пусть мы убоги в нашей нищетѣ и порой безнадежно провинціальны, — мы имѣем огромный дар свободы, который нас дѣлает богаче, чѣм мы были во времена довольства и пышности, во времена позолоченнаго рабства. И наша свобода принимает особое значеніе, если мы оглянемся вокруг себя и посмотрим, куда пришел мір. Безбожное человѣчество сказало свое послѣднее слово. Маски и личи-

ны сняты. Во имя идолов льется христианская кровь. Три кумира требуют себя человеческих жертв: это класс, раса, государство. Демоны насилия попирают свободу. Демоны ненависти угрожают войной. Спор идет не о различных пониманіях христианства, а о цѣнности Христовыхъ заповѣдей вообще. Любовь объявляется слабостью. Смирение становится презрѣннымъ. Свобода топится въ насиліи. Личность обезцѣняется. Кумиры могут и друг друга ненавидѣть, и стремиться къ взаимному истребленію — намъ христианамъ ясно, что они являются различными изображеніями одной и той же силы, дѣйствующей въ мірѣ, — силы антихристовой.

Но этимъ картина міра не исчерпана. Сначала не громко и не очень властно, но чѣмъ дальше, тѣмъ громче, опредѣленнѣе и тверже, подымается голосъ западной Церкви. Изъ Рима увѣренно и спокойно благославляютъ однихъ, — христианъ, идущихъ на мученичество, — и осуждаютъ другихъ, — язычниковъ, требующихъ человеческихъ жертвъ для своихъ идоловъ. Осужден коммунизмъ, осужден расизмъ, осужден антисемитизмъ. Точно раскрыты христианскія основы въ разрѣшеніи національных и социальныхъ вопросовъ. На нашихъ глазахъ совершается нѣкое религиозное чудо: то, что мы знали въ католичествовѣ, — курія, форма, буква, клерикализмъ, метрвый авторитетъ, отсутствіе свободы, — все исчезло или исчезаетъ передъ лицомъ опасности. Римъ говоритъ сейчасъ голосомъ христианства. Можетъ быть не на всѣ вопросы данъ имъ отвѣтъ, — особенно мучительно для насъ, православныхъ, что его голосъ еще не поднялся противъ насилій, чинимыхъ православной Церковью въ Польшѣ, но какое-то внутреннее чутье подсказываетъ, что и по этому вопросу мы услышимъ подлинно христианскій отвѣтъ, — слишкомъ въ большомъ противорѣчій находится дѣятельность польскихъ католиковъ со всей безукоризненно христианской линіей поведенія папскаго престола. Въ этомъ смыслѣ съ такой же прямою и смѣлостью, какъ говоритъ Римъ, обращаясь къ міру, мы обращаемся къ нему, и хотимъ отъ него справедливости не только во имя нашей правды, но и во имя его правды, — во имя нашей общей правды.

И голос Рима доходит сейчас туда, гдѣ он не звучал вѣка. Христіанское сердце может ликовать: Церковь стоит на стражѣ свободы и человѣческой личности, Церковь, не по буквѣ закона требует своего признанія и говорит о своем авторитетѣ, а по духу любви становится авторитетом и нравственной мѣрой вещей даже не для христіан.

Не только католичество заняло такую высокую позицію в современном конфликтѣ. Перечитайте отчеты международных экуменических конференцій, — англикане и протестанты, — весь христіанскій міръ, — поднял свой голос, защищая человѣка, его богоподобіе, его Богом дарованную свободу. Не нужно имѣть пророческаго дара, а нужно просто умѣть видѣть и слышать, чтобы сказать, что будущее, ближайшее будущее, — завтрашній день, — принадлежит сейчас этой гонимой, — и внутренне освобожденной, — этой попираемой, — и обладающей заново огромной нравственной силой Христовой истинѣ.

Послѣднее событіе міровой исторіи, — не послѣднія событія вѣншей политики, в которых апокалиптическій звѣрь почти уже выходит на землю из своей бездны, — нѣтъ, — а вот то неумолимое, что произошло за эти послѣдніе пол года, тот неумолимый поворот, тѣ подспудныя духовныя силы, *которыя призваны к жизни, тот все громче и громче звучащій голос христіан, зовущій отстаивать Христову свободу и Христова человѣка от всѣх насильников, гонителей, козунников и хулителей міра. И в этом смыслѣ даже послѣднія событія не в силах измѣнить этой новой тенденціи міровой исторіи.

Тут выявляется и смысл той духовной свободы, которая нам дана. Выявляется ея провиденціальное значеніе.

В свободѣ можем мы защищать завѣты нашей православной религіозной мысли. Они формулируются точно. Мы вѣрим тому, что Сын Божій, став человѣком, тѣм самым призвал человѣчество к осуществленію своего Богоподобія, и на этом основаніи мы почитаем человѣка. Мы вѣрим, что христіанство есть религія свободы и человѣческаго достоинства. Мы вѣрим, что эта

смиренная христіанская свобода должна побѣдить мір, утверждающій себя в гордынѣ и насиліи. Мы вѣрим в несокрушимость соборной любви Церкви, — Тѣла Христова. Мы вѣрим в крест, — символ жертвеннаго страданія, свободно поднятый на плечи Сыном Человѣческим, и мы смиренно и свободно принимаем на свои плечи крест. Наконец мы вѣрим в Царствіе Божіе, гдѣ лев будет лежать рядом с ягнцемъ и гдѣ править вселенной будет Тот, кто льна курящагося не угасит и трости колеблемой не надломит. И мы хотим идти по пути этого Царствія.

Из сказаннаго ясно, как должен звучать наш православный голос, — он должен звучать вмѣстѣ с тѣми голосами христіанства, которые сейчас поднялись в защиту свободы и человѣка. Мы, слабые, грѣшные, выброшенные из нормальной жизни, призваны, как каждый христіанин призван, всегда и вездѣ защищать обижаемых, клеймить насиліе, отрицать ненависть. Мы призваны к свободѣ и любви.

Но помимо міроваго христіанскаго цѣлаго, нас окружающаго, есть еще и наша малая эмигрантская Церковь, горсть русскихъ людей, оторванных от родной земли. Мы знаем и подвиги этой горести, и муки, и пороки. Мы отдаем себѣ отчет, как тяжело складывается жизнь каждаго рядоваго эмигранта, как много у него поводов для того, чтобы духовно опуститься, озлобиться, почувствовать себя в тупикѣ и возненавидѣть всѣх за свое несчастіе. Поэтому у нас есть самое горячее желаніе подходить к опустившимся с братской помощью, встрѣчать озлобившихся любовью, вмѣстѣ искать выходов из всѣх страшных тупиков, в которыя нас загоняет жизнь. Мы знаем, что несмотря ни на что, есть нѣкая единая судьба эмиграціи, и мы хотим приложить наши силы к тому, чтобы она была не такой нестерпимо горькой.

Но каковы не были бы наши чувства, как бы мы не находили смягчающія обстоятельства для объясненія всеобщаго озлобленія и подавленности, есть наши основныя цѣнности, которыя мы ни при каких обстоятельствах не уступим и за кото-

рыя будем бороться. Мы знаем, что всякій человекъ, повѣрившій в правду насилія, — предатель правды Христовой. Мы знаем, что всякій человекъ, поклоняющійся кумирам класса, расы или государства, не может сочетать это идолопоклонство с поклоненіем кресту. Мы знаем, что всякій человекъ, утверждающій ненависть к своим ли политическим врагам, или к какимъ либо иноплеменикам, — не может одновременно утверждать любовь Христову. Мы знаем, что такимъ людям не по пути с христианством.

Далѣе мы отчетливо видим, что и само церковное общество не представляет собою подлиннаго единства. Есть люди, цѣнящіе в православной церкви старый русскій бытъ, видящіе в ней лишь атрибут русской великой государственности. Мы видим в ней иное. Нам не по пути со всѣми насильниками, безбожными или вѣрующими. Мы чувствуем, что сейчас нельзя подмѣнять вѣру никакими суррогатами эстетических, исторических, бытовых или политических цѣнностей. Христова вѣра, как она есть, огнем своим поपालяющая всѣх идоловъ в наших душах, зовет нас к крѣпкому стоянію в свободѣ духа и в сердечной любви.

Очень часто в Церкви происходит еще одна скрытая борьба, которая изрѣдка, но всегда очень остро выходит на поверхность. Это борьба между двумя сыновьями Отца: между блудным сыном, который уходил и вернулся, и сыном вѣрным, который всегда был в отчем дворѣ. Вѣрный сын не любит своего блуднаго брата, напоминает Отцу о своей всегдашней вѣрности, говорит, что блудный не так давно во дворах отчих, а потому и не должен чувствовать себя дома, не должен принимать тѣх даров, которые ему дает Отец. Конечно, мы всѣ блудные сыновья, — и не только по нашим личным біографіям, но и по тому общему потоку блудных сыновей, с которыми мы вмѣстѣ влились в Церковь. Можно сказать, что вся русская религиозно-философская мысль за рѣдким исключеніем принадлежит блудным сыновьям. И, конечно, это наш грѣх. Но мы знаем, что Церковь не дѣлит своих дѣтей на тѣх, кто изначально в ней был, и на работников

одиннадцатого часа. Не к чему и людям примѣнять это дѣленіе и мѣрить степени православности. Кромѣ того у блудных дѣтей может быть одно специальное поле для работы. Мы знаем, какіе сдвиги сейчас происходят в мірѣ, какіе новые слои людей начинают прислушиваться к голосу Церкви, как среди невѣрующих она начинает пользоваться все большим и большим вліяніем. Вот для этих новых людей, быть может, голос блудных сыновей болѣе доступен, язык их болѣе понятен. Новых людей не плѣнишь ни чуждым им бытом, ни эстетической церковной архаикой, — им нужна только правда Христова, призыв христіанской свободы, христіанское утвержденіе личности. И в этом смыслѣ религиозный пафос блудных дѣтей им гораздо доступнѣе, чѣм пафос тѣх, кто любит в церковной жизни каждую мелочь и каждый обычай, кто сжился с каждой мелочью и слил ее в нѣчто общее с главным.

Итак, подводя итоги всему сказанному, мы можем утверждать, что наша эмиграція религиозно оправдывает себя лишь в том случаѣ, если будет крѣпко стоять на почвѣ подлинной духовной свободы, если не поддастся соблазнам современных идолопоклоннических религій, если пронесет через свои скитанія незапятнанной вѣру в человѣка, в его богоподобіе, в изначальную и ни с чѣм не сравнимую цѣнность человѣческой личности. Мы знаем, как попиралась религиозная свобода в прошлом и попиралась силами, виѣшними для христіанства. Мы можем почти с полной увѣренностью сказать, что в Россіи при всѣх возможных режимах для религиозной свободы будут уготованны Соловки. И поэтому особенно мы склонны разсматривать, как нѣчто совершенно исключительное и провиденціальное, тот дар свободы, который мы имѣем, считаем, что он нам дороже всякаго земного благополучія, всякой виѣшной признанности, всякой укорененности в жизни. И мы обязаны, во первых, быть стойкими и мужественными в защитѣ нашей христіанской свободы как от нападков совершаемых по злой волѣ, так и от нападков совершае-

мых по невѣдѣнью. Во вторых, мы обязаны быть достойными нашей свободы, т.-е. вмѣстить в нее максимальное творческое напряженіе, раскалить ее самым настоящим духовным горѣнием и претворить в дѣло, в неустанное дѣланье любви.

Монахиня Марія.